

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. В. Ю. Лебедев

г. Тверь, Россия

© 2019 г. А. М. Прилуцкий

г. Санкт-Петербург, Россия

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АПОЛОГЕТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЧИТАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Аннотация: Почитание Ивана Грозного, неканоническое с точки зрения иерархии Русской православной церкви Московского Патриархата, является одним из семиотических маркеров ряда конкурентных религиозных дискурсов. Культ Ивана Грозного наряду с почитанием Григория Распутина и «царя-искупителя» Николая Второго выполняет своего рода интегрирующую функцию, выступая связующим звеном для различных разрозненных маргинальных обществ православного паттерна, формируя альтернативную (конкурентную) субкультуру. Авторы исследуют значение метафор в формировании агиологического мифа и агиологического нарратива, в которых образ исторического Ивана Грозного замещается сконструированным образом «святого царя», умершего мученической смертью защитника Руси-России от коварных «врагов», которыми он и был оклеветан. Авторы доказывают, что именно при помощи метафоризации формируется герменевтическая стратегия апологетики культа: грозный царь, согласно ее логике, не был жестоким, будучи не просто положительным героем русской истории, но и отчасти парадигматическим образцом царя, он был оклеветан врагами, в результате чего и сложился образ кровожадного тирана. В итоге авторы приходят к выводу о том, что метафора является важным инструментом конструирования как царебожнического мифа вообще, так и ритуалосферы соответствующих чтимых личностей. Поскольку формирование культа в данном случае происходит вопреки позиции священноначалия Русской православной церкви, адепты неканонических культов вынуждены учитывать позицию критиков и формировать канонически приемлемые образы, отвечающие требованиям традиционной агиологии и агиографии.

Ключевые слова: Иван Грозный, семиотизация, миф, святость, царь.

Информация об авторах:

Владимир Юрьевич Лебедев — доктор философских наук, доцент, Институт педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета, ул. Желябова, д. 33, 170100 г. Тверь, Россия. E-mail: rector@tversu.ru.

Александр Михайлович Прилуцкий — доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, ул. Казанская, д. 6, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.03.2018

Дата публикации: 28.03.2019

Для цитирования: Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Семиотические особенности апологетики религиозного почитания Ивана Грозного // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 15–24.

Анализ семиотической структуры религиозного текста позволяет не только выявлять его специфические, жанровые особенности, но и делать выводы относительно особенностей категоризации религиозного опыта, что является важной задачей современного религиоведения. Литургические тексты в этом отношении наиболее показательны и интересны, поскольку в отличие от религиозного авторского нарратива они претендуют на универсальность: человек, молящийся при помощи устойчивого текста, неизбежно соотносит себя не столько с читателем, сколько с автором, совмещая в своей прагматике несколько точек зрения и литургических ролей (не случайно некоторые молящиеся, например, опускают слова, не соответствующие их подлинному состоянию). В этом специфика дискурса литургической молитвы: предполагается, что каждый произносит ее текст как глубоко личностный, солидаризируясь с содержащимися в тексте интенциями и даже его эстетической (поэтической) формой. Априорная универсальность текстов ритуалосферы обеспечивает их устойчивость: именно такой текст, который будет восприниматься верующими как релевантный их молитвенным потребностям, приемлемый с точки зрения стилистики и семиотики, соответствующий всему религиозному мировосприятию будет характеризоваться регулярным воспроизведением. Поэтому литургические тексты обычно воспринимаются как тексты анонимного авторства (даже авторизация литургических последований содержит в себе долю условности): в качестве коллективного автора-исполнителя может выступать каждый, воспроизводящий его в пространстве соответствующей ритуалосферы.

Выбор тех или иных личностей на роль почитаемых авторитетов, старших товарищей, предшественников и т. д., их культ, пусть и имеющий большие вариации, и семиотическое выражение такого почитания и пиетета в виде устных и письменных форм текста следует признать культурной универсалией, причем соотносящейся с одной из базовых особенностей культуры — преемственностью. Любая «патрональная» личность, будь это даже основатель фирмы или научной школы образует линию преемственности. Чем более солидна эта линия — начиная с ее длины, — тем надежнее пребывание в «патронируемой» общности, тем комфортнее психологическое состояние, тем более что для современного человека бегство от дискомфорта является важной разновидностью поведения. Поэтому культ предшественников начинается с размещения в специальных местах их портретов, сохранения личных вещей, книг (дарственные надписи и иные инскрипции резко повышают их в цене, обращая в реликвию), собирание воспоминаний и просто их устная передача с фиксацией деталей и прямыми или косвенными заявлениями о своей близости к агиографическому персонажу (равно как оспаривание такой близости и выявление ошибок и искажений в «житии»). В ряде случаев влияние агиографического дискурса даже не скрывается. Например, в предисловиях к биографии порой откровенно указывается, что она создана как светский вариант описания жизни «светского святого». Сюда же относятся такие маркеры, как оговорки вроде «умерла, как святая» и т. п. Не случайно и внимание к таким точкам жизненного пути, как рождение и смерть (равно как и умирание, сложные и драматичные жизненные эпизоды, переворот во взглядах, являющийся светским эквивалентом религиозного

обращения). Феноменологически мы имеем дело с почитанием, обретающим лишь разные формы и являющим разные семиотические типы. В свою очередь, отказ от почитания служит маркером желания покинуть сообщество или изменить его и часто является и поводом, и причиной для экскорпорации. Сам факт существования родоначальника, пусть даже с точки зрения атеиста, не верящего в посмертное бытие личности, создает эффект защищенности, что роднит человека с представителями природного мира, которые также нередко демонстрируют потребность в покровительстве. В результате выстраивается аксиологический и семиотический ряд, где один полюс занят «культами» и «микрочкультами» людей в светских социальных сообществах, другой же почитанием святых. И полярным точкам, и переходным случаям соответствуют свои типы жизнеописания и агиографии.

Кроме того, избрание лица с целью почитания отражает и особенности социального выбора, в частности, положение на иерархической лестнице с присущими ему характеристиками (стабильность, мобильность, консерватизм и стагнация) или в пределах модели социума в виде ядра, периферии и промежуточной зоны, включающей эскапизм, частичную или латентную маргинальность.

Наконец, выбор «патрональной» личности подразумевает личностную, психологическую идентификацию, включая темперамент, характерологические особенности, индивидуальную личностную «биографию», сложные и неоднозначные эпизоды, включая проступки и психическую девиацию. Самоидентификация может идти в соответствии с двумя паттернами: ориентация на похожего и ориентация на непохожего, выступающего при этом как желанный объект подражания. На этих эффектах отождествления-растождествления основаны и некоторые методики психологической диагностики личности, например, ставший классическим тест Сонди, начинающийся с «безобидного» отбора портретов по признакам «нравится / не нравится». Не случайно в практике Римско-католической церкви при Конфирмации, совершающейся в совершеннолетнем возрасте, конфирмант волен выбрать себе еще одно, конфирмационное имя, которое обычно отражает либо схожесть, либо желание, пусть даже подавленное, таковую обрести.

Таким образом, выбор особо почитаемого или патронального святого является актом семиотической социальной индикации и сопряженной с нею саморефлексии.

Чем ярче и исторически убедительно житие святого, тем больше оно способно выполнять функцию такого психологического портретирования. В сущности, в этих случаях работает семиотический механизм, отмеченный Ю. Лотманом: не столько человек произвольно выбирает себе святого в соответствии с житием, сколько текст и сама фигура святого (или любого субъекта, выбранного для поклонения) отсеивает одних и привлекает других, выполняя селективную функцию.

Формы культа и почитания обретают две основные разновидности: в первом случае святой выбирается с тем, чтобы окружающие сами проделали исторические уточнения, герменевтические усилия, чтобы догадаться о подлинных взглядах и приоритетах выбравшего. Во втором случае выбравший сам подробно, часто и даже навязчиво представляет все необходимые сведения и толкования, если и не внося полной ясности, то хотя бы создавая ее видимость. Поэтому выбор спорной и непопулярной личности может быть как герменевтическим вызовом («догадайся сам»), так и нарочитой демонстрацией собственных взглядов, поведенческих предпочтений и горизонтов осмысления мира.

Почитание Ивана Грозного, неканоническое с точки зрения иерархии Русской православной церкви Московского Патриархата, является одним из семиотических маркеров ряда конкурентных религиозных дискурсов. При этом, как это часто бывает при формировании агиологического мифа, образ исторического Ивана Грозного замещается сконструированным образом «святого царя», умершего мученической смертью защитника Руси-России от коварных «врагов», которыми он и был оклеветан¹. Сразу нужно отметить, что тема клеветы на праведника, во многом интегральная для конспирологического мифа, играет важную роль в обосновании почитания Ивана Грозного, поскольку позволяет дискредитировать контраргументы, которые неоднократно высказывались противниками культа. Таким образом, формируется герменевтическая стратегия апологетики культа: Грозный царь, согласно ее логике, не был жестоким, будучи не просто положительным героем русской истории, но и отчасти парадигматическим образцом царя (различные вариации на тему «Не мощно царю царства без грозы держати»), он был оклеветан врагами, в результате чего и сложился образ кровожадного тирана. Поскольку почитание Ивана Грозного неоднократно вызывало критику со стороны священноначалия Русской православной церкви Московского Патриархата [12], развитие данного культа, как не благословленного официальными церковными структурами, формируется во многом в маргинальном пространстве неканонического православия. Симпатии к личности и образу правления Ивана Грозного со стороны отдельных архиереев РПЦ не меняют картины в целом, поскольку признание исторических достоинств далеко не тождественно признанию святости, тем более — литургическому почитанию. При этом культ Ивана Грозного наряду с почитанием Григория Распутина и «царя-искупителя» Николая Второго² выполняет своего рода интегрирующую функцию, выступая связующим звеном для различных разрозненных маргинальных обществ православного паттерна, к каковым относятся общины ИПЦ различных юрисдикций, в том числе ИПЦ Рафаила (Прокопьева-Мотовилова), религиозные группы, относящиеся к движению «непоминающих», общины неясного канонического статуса, условно именуемые «царебожническими». Таким образом, формируется альтернативная (конкурентная) субкультура. Соответственно, герменевтические инструменты, обеспечивающие функционирование данного культа, позволяют, с одной стороны, обеспечивать легитимацию почитания Ивана Грозного через включение соответствующих акафистов и молитв в традиционную ритуалосферу, а с другой — формируют особое семиотическое пространство культа, отличающееся политизированностью, имплицитным неприятием дискурсов Московского Патриархата, выраженной манифестацией протестных настроений. Молитва Ивану Грозному в современных условиях — это не только молитва, но и четкое политическое заявление, свидетельствующее о радикальном неприятии установок «мирового православия», «экуменизма», «жидо-масонской закулисы» и послушной ей «антинациональной власти». Если для современников Иван Грозный олицетворял прежде всего победу над Казанским и Астраханским царствами (см. «Повесть о взятии Казани»), то для современных адептов его культа он выступает преимущественно как борец с «латинским западом» и «врагами», которые легко ассоциируются с «зарубежной закулисой». Тема покорения Казани, представленная и в современных

¹ Авторы готовы допустить, что хрестоматийный образ Ивана Грозного — кровожадного тирана — имеет идеологическое значение и нуждается в корректировке с точки зрения исторической объективности, однако данная проблема выходит за границы настоящего исследования.

² В данном случае речь идет не о признании святости как таковой (Николай Второй прославлен РПЦ МП в чине страстотерпцев), но об особом статусе «святого царя-искупителя», который присваивается Николаю Второму адептами царебожничества.

неканонических акафистах Ивану Грозному, по степени разработанности и эмотивности изложения явно уступает ей, а взятие Астрахани обычно просто упоминается среди прочих деяний царя, без какой-либо детализации. Вероятнее всего, такое изменение акцентов связано с изменением политической и геополитической конъюнктуры: как было показано ранее, царебожнический миф включает в себя ряд чисто политических мифологем [2], а его развитие учитывает динамику изменений политического дискурса.

Специфике религиозного почитания Ивана Грозного посвящена некоторая, нельзя сказать, что значительная, литература. Так, онтологические концепты культа, а именно попытка уподобления «земного царства царствию Небесному, земного царя — царю Небесному», в религиозном дискурсе рассматривается Л. А. Андреевой [2]. С социологических и культурологических позиций анализирует специфику культа Ивана Грозного Б. К. Кнорре [8]; исследователь делает справедливый вывод о включенности этого культа в общий дискурс священной русской теократии. Отчасти данная проблематика затрагивается в работах А. И. Зыгмонта [7], А. Н. Боханова [4, с. 72–91], К. Ю. Ерусалимского [6], статьи которых хотя и не посвящены непосредственно проблеме современного почитания Ивана Грозного, но содержат отдельные наблюдения, значимые в контексте нашего подхода.

Роль метафоры в формировании религиозного дискурса трудно переоценить. Помимо чисто поэтических (эстетических) функций, метафорика формирует особые коммуникативные отношения, превращаясь в своего рода семиотический код, маркирующий принадлежность к той или иной религиозной общности. Метафора обладает значительным иллюкативным потенциалом, что оказывается особо востребованным в формате коммуникативных отношений, присущем большинству маргинальных религиозных обществ сектантского паттерна. Перефразируя Н. Д. Арутюнову, можно сказать, что метафоры оказывают воздействие на воображение верующих через эмоции, через эмоции — на конфессиональный выбор, а через него — на последующее поведение человека — «Общность цели естественно порождает и общность используемых языковых приемов» [3, с. 5]. При этом, апеллируя не к теологической, но к мифопоэтической картине мира, зачастую угадываемой человеком интуитивно, метафора позволяет решать ряд апологетических задач — потенциальная атеологичность метафоры минимизирует возможность обвинения в ереси и нетрадиционализме, а семантическая амбивалентность позволяет метафорическую номинацию трактовать при необходимости как чисто поэтическую аналогию, не имеющую позитивного богословского содержания. Так «царь-мученик», «образ царя-Христа», «царь-искупитель» и т. д. при необходимости можно интерпретировать как поэтико-метафорическую гиперболу, при том, что в других случаях данные понятия можно интерпретировать вполне теологично. Именно метафоричность дискурса маргинальной ритуалосферы обществ сектантского паттерна позволяет развивать «две герменевтики» — «безобидную» для внешних (метафора объясняется эстетически, как поэтическая гипербола) и эзотерическую для «своих» (метафора трактуется концептуально как теологический символ).

Таким образом, анализ метафорики ритуалосферы Ивана Грозного позволяет выявить специфику герменевтических стратегий сторонников данного почитания, особенности их теологических установок и оценить иллюкативный потенциал текстов. Последнее особо актуально, поскольку относительно недавние события показали, что эмотивная фанатичная проповедь способна травмировать человеческую психику, вовлекая человека в экстремистские сообщества и провоцируя трагедии типа «пензенской истории».

Структурные метафоры, предполагающие структурирование одного концепта в терминах другого [9, с. 35], составляют ядро метафорики ритуалосферы Ивана Грозного. Во-первых, это сложный метафорический комплекс пути/движения, структурирующие концепт «жизненные ценности» при помощи понятия «направленность движения» и фактически уподобляющие жизнь человека некоему априорно направленному пути, который предстоит пройти. Структурирование концепта обеспечивается благодаря введению простейшей системы координат — верный путь, направленный к Богу и святости (первый полюс), и ложный путь, направленный к греху и гибели (второй полюс). Иван Грозный прославляется как святой, чья направленность жизни не вызывает сомнений — «На пути же сем безчисленные труды и скорби, яко Честный Крест Христов, на рамена своя взявши» [11], через сопоставление «трудоу и скорбей» Ивана Грозного с крестоношением Спасителя не только обеспечивается достижение апологетической цели, но и сам Иван Грозный имплицитно включается в квазиновозаветный дискурс. И уж коль скоро Иван Грозный уподоблен несущему Свой крест Иисусу Христу, вопроса о правильности этого пути не может быть в принципе. Причем сам процесс прохождения Иваном Грозным этого жизненного пути интерпретируется в ритуалосфере как процесс глубоко телеологичный — на этом пути нет и не может быть ничего случайного и ошибочного, коль скоро царь прославляется как тот, кто «десницею Христовой, яко отчею, любовно водимый» [1]. Если царь, водимый «десницей Христовой» и уподобившийся самому Христу «скорбями и трудами», идет по жизненному пути правому и безгрешному (первый полюс структурирования концепта), то «враги», «тьмоу греха порабощенные и духом антихристовым водимые», идут по иному пути (второй полюс структурирования).

Более того, святой царь, шедший богоугодным путем, оказывается не только образцом для подражания, но и той силой, которая способна властно направить современное общество на этот же блаженный путь: «Прииди ныне на помощь гибнущей Державе Российской. <...> И, взявши кормило Государства, изведи его рукою крепкой из бурных вод в тихую и безмятежную пристань, яко новый Ковчег спасения» [11]. Если враги царя идут иным путем, то и некие «клеветы» (очевидно, отсылка к теме репрессивной политики исторического Ивана Грозного, которая конспирологически трактуется именно как «заговор врагов»), подобно врагам царя, истекают из «темного запада», своего рода «кладязя бездны»: «Ветии многовещаннии от темнаго запада отверзоша на тя, свете востока святой Царю Православный, лукавая уста своя. И извергошася отонуду, якоже из кладязя бездны, клеветы тьмочисленные и нелепые, ядовитым гадам: змиям, жабам и скорпиям во злобе своей подобные. И растекошася по всему лицу земли, сердца человеков ложью уязвляя» [1]. Здесь движение — «течение» демонической вражеской клеветы, направленной против царя, противопоставляется самому святому царю, шествующему «путем крестоношения» под водительством Бога.

Мы видим, что структурирование концепта осуществляется на двух уровнях — категориальном (историческом) и субкатегориальном (современном). При помощи именно второго уровня структурирования обеспечивается актуализация концепта, что называется, здесь и сейчас. Как во время Ивана Грозного существовали два разнонаправленных пути, так и сегодня существует путь Бога и «антипуть». Именно образ царя оказывается элементом семиосферы, интегрирующим оба уровня метафорического комплекса, поскольку он не только «сделал правильный выбор в свое время», но и оказывается способным направить сегодня российское общество к правильному пути.

Наряду с метафорами движения, в ритуалосфере Ивана Грозного достаточно хорошо представлены метафоры света/тьмы. Данная метафоризация является традиционной для религиозного дискурса, в котором традиционно «свет» метафорически обозначает «правую веру», а тьма — ереси, неверие и т. п. Традиция данной метафоризации восходит уже к Евангелию от Иоанна, в котором Спаситель метафорически изображает как «свет, просвещающий всякого человека». Спецификой рассматриваемой ритуалосферы является тяготение к трансформированию метафор света в аллегории, преследующие цель символического включения Ивана Грозного в традиционный дискурс, поскольку сравнение святого с солнцем или звездами, чистоты его веры с солнечным светом вполне традиционно для православной агиографии и литургики. Полагаем, что солярные и астральные образы в ритуалосфере Ивана Грозного используются не случайно, они преследуют четкую прагматическую цель сформировать такую стилистику текста, которая будет априорно приемлемой для традиционалистов. Таким образом, очевидный модернизм почитания Ивана Грозного, не имеющий аналогов в русской православной традиции, семиотически мимикрирует под агиографический канон. Расчет здесь делается на то, что, встретив знакомую, традиционную семиотику, верующий воспримет и сам культ Ивана Грозного как вполне каноничный и «традиционный». Такую функцию могут выполнять метафоры, трансформирующиеся в аллегории: «Боготечную звездой явися в мире сем велия слава твоя» или «Воссияла еси паче солнца любовь твоя, благоверный Царю, светом добродетели щедро украшенной» [1]. Герменевтические механизмы подобной мимикрии были нами рассмотрены ранее [10, с. 32–33].

Однако метафоры света/тьмы могут использоваться и для достижения более сложных прагматических задач, а именно для включения Ивана Грозного в новозаветный контекст.

Акафист благоверному царю-мученику Иоанну Грозному, за веру православную со сродниками убиенному и оклеветанному	Евангелие от Матфея 5: 15	Евангелие от Иоанна 1: 4,5
«Светоподательную свещу, сущим во тьме явльшуюся, зрим тя, Венценосче святой, на престоле царском, яко на свещнице, Богом возженную. Да светит всем в Доме Пресвятыя Богородицы, Русь Святую молитвами светлыми и деяньми благими премудро устрояюще. Сердца людей русских зарею просвещающе, похвалами же почитаемая сими».	«Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».	«В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

При помощи задействия новозаветной семиотики, составители акафиста не только символически утверждают идеальный с точки зрения новозаветной этики характер святости царя, но и на уровне коннотаций соотносят его «свет» со светом Христовым, что является выраженной апелляцией к царебожническому мифу.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что метафора является важным инструментом конструирования как царебожнического мифа вообще, так и ритуалосферы соответствующих чтимых личностей. Поскольку формирование культа в данном случае происходит вопреки позиции священноначалия Русской православной церкви, адепты почитания Ивана Грозного, Николая Второго в качестве «царя-искупителя», Григория Распутина и т. д., и т. п. адепты почитания вынуждены учитывать позицию критиков и формировать канонически приемлемый образ святого царя, отвечающий требованиям традиционной агиологии и агиографии. И для достижения этого использование семантического и иллокутивного потенциала метафористики оказывается вполне результативным. Чем более проблемным оказывается с точки зрения церковных канонов какой-либо конкретный культ, тем сложнее будут его метафорические структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Акафист благоверному царю-мученику Иоанну Грозному, за веру православную со сродниками убиенному и оклеветанному // Русский монархист. URL: <http://www.ruskmir.ru/akafisty-o-spasenie-rossii/akafist-blagovernomu-caryu-ioannu-groznomu/> (дата обращения: 20.01.2019).
- 2 Андреева Л. А. «Цареславие» в России // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 121–134.
- 3 Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: сб. ст. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- 4 Боханов А. Н. Иван Грозный — царь-богослов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 4 (10). С. 72–91.
- 5 Воронцов А. В., Головушкин Д. А., Прилуцкий А. М. Социо семиотическая специфика современного мифа об Иване Грозном // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 12–19.
- 6 Ерусалимский К. Ю. Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации // Одиссей: Человек в истории. 2010. Т. 2009, 2010. С. 361–390.
- 7 Зыгмонт А. И. О феномене царебожия в современной религиозной культуре России // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2012. № 11. С. 138–145.
- 8 Кнорре Б. К. Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм // Религия и российское многообразие: сб. ст. / под ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2011. С. 503–528.
- 9 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Баранова и А. Морозовой; под ред. А. Баранова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
- 10 Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М., Светлов Р. М. К вопросу культа «св. Григория Нового» (Г. Е. Распутина) в маргинальном православии // Вестник славянских культур. 2018. Т. 47. С. 26–38.
- 11 Покаянная молитва Благоверному, Богом венчанному Царю — Иоанну Грозному // Молитвы Богом венчанному царю Ивану Грозному и Григорию Новому чудотворцу. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/> (дата обращения: 20.01.2019).
- 12 Царь Иван Васильевич — Грозный или святой. Аргументы Церкви против канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 64 с.

© 2019. Vladimir Yu. Lebedev
Tver, Russia

© 2019. Alexander M. Prilutskiy
St. Petersburg, Russia

SEMIOTIC FEATURES OF APOLOGETICS OF IVAN THE TERRIBLE'S RELIGIOUS VENERATION

Abstract: The cult of Ivan the Terrible, non-canonical from the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) point of view is one of the semiotic markers for a number of competing religious discourses. Together with the veneration of Gregory Rasputin and “Tsar Redeemer” Nicholas II it performs a sort of integrative function acting as a link for various separate marginal communities within Orthodox pattern, forming an alternative (competing) subculture. The authors study the meaning of metaphors in the appearing of hagiological myth and narrative, where the image of historical Ivan the Terrible is replaced by a coined image of a “holy tsar” who died as a martyr defending Rus` (Russia) from cunning “enemies” which slandered him. The authors demonstrate that hermeneutical strategy of this cult's apologetics is established with the help of metaphorization. According to this logic, Ivan the Terrible was not cruel, being not only a positive character of the Russian history but also a paradigmatic image of the tsar, maligned by his enemies which led to the emerging of the image of a bloodthirsty tyrant. The paper concludes that the metaphor serves as an important tool in construction of both the myth of the divine tsar in general and the ritual sphere of other revered personalities. Since the formation of the cult in this case contradicts with the position of Russian Orthodox Church hierarchy, the followers of non-canonical cults have to take the critical position into account and produce canonically acceptable images meeting the requirements of traditional hagiology and hagiography.

Keywords: Ivan The Terrible, semiotization, myth, sanctity, king.

Information about authors:

Vladimir Yu. Lebedev — PhD in Philosophy, Docent, Professor, Professor, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Zhelyabova St. 33, 170100 Tver, Russia. E-mail: semion.religare@yandex.ru

Alexander M. Prilutskiy — PhD in Philosophy, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Kazanskaya St. 6, 191186 St. Petersburg, Russia. E-mail: alpril@mail.ru

Received: March 12, 2018

Date of publication: March 28, 2019

For citation: Lebedev V. Yu., Prilutskiy A. M. Semiotic features of apologetics of Ivan The Terrible's religious veneration. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 51, pp. 15–24. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Akafist blagovernomu tsariu-mucheniku Ioannu Groznomu, za veru pravoslavnuuiu so srodnikami ubiennomu i oklevetannomu [Akathist to the faithful tsar-martyr Ivan

- the Terrible, killed and slandered for the Orthodox faith with his relatives]. *Russkii monarkhist* [Russian monarchist]. Available at: <http://www.ruskmir.ru/akafisty-ospaseni-rossii/akafist-blagovernomu-caryu-ioannu-groznomu/> (accessed 20 January 2019). (In Russian)
- 2 Andreeva L. A. “Tsareslavie” v Rossii [“Tsareslavie” in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no 1, pp. 121–134. (In Russian)
- 3 Arutjunova N. D. Vstupitel'naia stat'ia [Metaphor and discourse]. *Teoriia metafory: Sbornik statei* [Theory of metaphor: collected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5–32. (In Russian)
- 4 Bohanov A. N. Ivan Groznyi — tsar'-bogoslav [John the Terrible — tsar and theologian]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorii Rossii*, 2007, no (10), pp. 72–91. (In Russian)
- 5 Voroncov A. V., Golovushkin D. A., Priluckij A. M. Sotsiosemioticheskaia spetsifika sovremennogo mifa ob Ivane Groznom [Socio-Semiotic Specificity of the Contemporary Myth of Ivan the Terrible]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2017, no 8, pp. 12–19. (In Russian)
- 6 Erusalimskiy K. Ju. Mezhdru kanonizirovannymi i demonizirovannymi: kazni Ivana Groznogo v kul'turno-simvolicheskoi interpretatsii [Between canonized and demonized: the execution of Ivan the Terrible in a cultural-symbolic interpretation]. *Odissei: Chelovek v istorii*, 2007, vol. 2009, pp. 361–390. (In Russian)
- 7 Zygmunt A. I. O fenomene tsarebozhii v sovremennoi religioznoi kul'ture Rossii [On the phenomenon of the deification of the Tsar in contemporary religious culture of Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya “Kul'turologiia. Iskusstvovedenie. Muzeologiia”*, 2012, no 11, pp. 138–145. (In Russian)
- 8 Knorre B. K. Dvizhenie za kanonizatsiiu Ivana Groznogo i pravoslavno-monarkhicheskii tsezarizm [Movement for the canonization of Ivan the Terrible and Orthodox monarchist Caesarism]. *Religiia i rossiiskoe mnogoobrazie: Sbornik statei* [Religion and Russian diversity: collected works], edited and composited by S. B. Filatov. Moscow, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2011, pp. 503–528. (In Russian)
- 9 Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live], translated from English A. Baranova and A. Morozovoi; edited by A. Baranova. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 256 p. (In Russian)
- 10 Lebedev V. Ju., Priluckij A. M., Svetlov R. M. K voprosu kul'te “sv. Grigoriia Novogo” (G. E. Rasputina) v marginal'nom pravoslavii [On the question of the cult of “Saint. Gregory Novy” (G. E. Rasputin) in Marginal Orthodoxy]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, no 47, pp. 26–38. (In Russian)
- 11 Pokaiannaia molitva Blagovernomu, Bogom venchannomu Tsariu — Ioannu Groznomu [Penitential prayer to the faithful, God-crowned King — Ivan the Terrible]. *Molity Bogom venchannomu tsariu Ivanu Groznomu i Grigoriu Novomu chudotvortsu* [The prayers of God to the crowned Tsar Ivan the Terrible and Gregory the New Miracle-Worker]. Available at: <https://nasledie77.wordpress.com/> (accessed 20 January 2019). (In Russian)
- 12 *Tsar' Ivan Vasil'evich — Groznyi ili sviatoi. Argumenty Tserkvi protiv kanonizatsii Ivana Groznogo i Grigoriia Rasputina* [Tsar Ivan Vasilyevich — Terrible or Holy. Arguments of the Church against the canonization of Ivan the Terrible and Gregory Rasputin]. Moscow, Izdatel'skii sovet Russkoi pravoslavnoi tserkvi Publ., 2003. 64 p. (In Russian)